

Пока Лянь Уцзю возвращался в город, ясное небо, вопреки ожиданиям, действительно затянуло тучами, и вскоре заморосил мелкий, похожий на водяную пыль дождь. Впрочем, сновавших вдоль дороги игроков капризы погоды ничуть не заботили: они всё так же самозабвенно сражались с монстрами. Лянь Уцзю, не желая промокнуть, заметно прибавил шаг. Стоило ему переступить порог городских ворот, как разверзлись небесные хляби — хлынул плотный, яростный ливень, мгновенно промочивший запоздалых прохожих до нитки.

Укрывшись в ближайшем трактире, Лянь Уцзю устроился за столиком на втором этаже и заказал чайник горячего чая с нехитрыми сладостями, намереваясь переждать непогоду. Из окна его столика улица просматривалась как на ладони. Дождь буквально вымел с окрестных полей любителей охоты: повсюду мелькали фигурки бегущих людей, спешивших укрыться под крышами лавок и лабазов. Трактир быстро заполнился промокшим людом. Внизу яблоку негде было упасть, и отовсюду доносился несмолкаемый, весёлый гомон.

Лянь Уцзю любил дождь. Особенно этот. Напряжение и досада, скопившиеся за время унылого истребления монстров, улетучились без следа. На душе стало просторно, легко и совсем не одиноко. Отрешённо глядя на струи воды, он высунул руку из окна. Холодные капли забарабанили по ладони, приятно покалывая кожу. Лянь Уцзю невольно улыбнулся и тихо прошептал:

— Совсем как настоящее...

Это не переставало его изумлять. Чем больше он узнавал этот мир, тем сильнее росло удивление. Всё вокруг — дома, ливень, запахи — было сотворено людьми, живущими через тысячи лет после его собственной эпохи. Он мало что понимал в их технологиях, но детское недоумение меркло перед искренним восхищением. Человеческий разум поистине не имел преград.

Сидевшие по соседству посетители тоже коротали время за праздными разговорами. Услышав тихий вздох Лянь Уцзю, один из них обернулся:

— Да хоть трижды настоящее, это всего лишь игра. Но виды, надо признать, отличные. В реальности сейчас такой красоты днём с огнём не сыщешь, а купольные распылители — сплошное уныние.

Человек презрительно фыркнул и отхлебнул из чашки. Его голос, негромкий, но удивительно чистый и певучий, заставил многих посетителей обернуться. Лянь Уцзю тоже повернул голову, собираясь вежливо поинтересоваться, что же это за «распылители» такие, однако слова застряли у него в гортани. Он замер, поражённый увиденным.

Голос незнакомца был нежным, но у Лянь Уцзю и в мыслях не возникло, что перед ним женщина. Теперь же его уверенность изрядно пошатнулась. Одевание на незнакомце, хоть и принадлежало к неведомой Лянь Уцзю школе, было скроено на мужской лад. Но вот руки... Лянь Уцзю невольно опустил взгляд на собственные ладони. Из-за постоянной возни с травами и корнями кожа у него огрубела, потемнела от вьёвшегося сока растений и покрылась

мелкими мозолями.

«Вот это — руки настоящего мужчины!» — мысленно усмехнулся он, шумно переведя дух.

У незнакомца же пальцы были тонкими и белыми, словно выточенными из нефрита. Лицо его и вовсе лишало дара речи. Судя по тому, как мужчины и женщины за соседними столиками разом прекратили жевать и уставились в одну точку, зрелище было действительно выдающимся. Тонкие черты лица незнакомца завораживали своей безупречной, почти неземной красотой. Лянь Уцзю, волею судеб сидевший на расстоянии вытянутой руки от этого чуда природы, чувствовал себя бесплотной тенью, которую никто вокруг попросту не замечал.

Любовь к прекрасному заложена в человеческой природе, и Лянь Уцзю не был исключением. Однако стоило ему заметить отчётливо проступающий кадык на изящной шее Красавца, как в груди шевельнулась мимолётная жалость: «Эх, надо же, парень... Какая досада».

— И чего ты так кисло на меня смотришь? — недовольно спросил Красавец, изогнув идеальную бровь и уставившись на Лянь Уцзю сверкающим взглядом.

Лянь Уцзю качнул головой и, позволив себе ещё раз полюбоваться его лицом, неспешно отвёл взгляд.

— Да вот сокрушаюсь... — мягко проговорил он. — Небо Янчжоу щедро одарило нас благодатной влагой, да только не видать под дождём изящного зонта из расписного бамбука, и не спешит к нам сквозь туман прекрасная дева. Печально...

Сам Лянь Уцзю, миловидный и невысокий, с этими своими витиеватыми речами сейчас походил на типичного книжного червя, начитавшегося древних романов. Красавец от такого слога даже передёрнулся и потёр покрывшиеся гусиной кожей плечи.

— Ну ты и поэтичный, — выдавил он сухо, хоть уголок его рта и задёргался от сдерживаемого смеха. — Только не говори, что у тебя класс «Учёный».

— Что вы, вовсе нет, — поспешил откреститься Лянь Уцзю. — Я всего лишь скромный лекарь, куда мне до изящных искусств. Просто не раз приходилось слышать, будто Янчжоу славится своими дождями. И что здешние виды прекрасны, а люди — ещё краше. Когда же прекрасный лик сливается с гармонией природы, рождается истинная поэзия...

Пока Лянь Уцзю говорил, гроза действительно утихла. Небо посветлело, и яростные потоки сменились невесомой водяной пылью, окутавшей город зыбкой, призрачной дымкой. На опустевшей улице, у самого её края, медленно проступили очертания бумажного зонта, расписанного изящными стеблями чёрного бамбука. Казалось, тяжёлые капли, разбиваясь о натянутую бумагу, разносили по округе едва уловимый, свежий аромат бамбуковой рощи. Дождь всё сыпал, и зонт неспешно приближался. Сколько ни всматривайся, разглядеть лицо прохожего сквозь пелену тумана было невозможно — виден был лишь белоснежный подол

широких одежд, плавно колыхавшийся в такт шагам...

Лянь Уцзю затаил дыхание. Он напрочь забыл о сидящем рядом Красавце — всё его внимание поглотил этот плывущий сквозь пелену бамбуковый узор. Ладони юноши незаметно повлажнели от странного, щемящего волнения.

Впрочем, не один он замер в оцепенении. Все посетители трактира, кому посчастливилось сидеть у окон, зачарованно подались вперёд. Каждый ждал чуда: неужели перед ними сейчас явится та самая, сошедшая с древнего свитка дева Янчжоу?

Расписной купол проплыл мимо лавок, пересёк мостовую и остановился у порога. А затем неспешно скользнул внутрь трактира.

— Ого! — снизу донёсся дружный, разочарованно-изумлённый выдох, от которого у сидевших на втором этаже сердца забились у самого горла.

На деревянных ступенях раздались тихие, размеренные шаги. Никто не сомневался, кому они принадлежат. В зале воцарилась мёртвая, звенящая тишина.

Толпа зевак у перил напрочь загородила Лянь Уцзю обзор. В глубине души у него шевельнулось острое желание сыпануть в них каким-нибудь усыпляющим порошком, но он вовремя взял себя в руки.

Юноша приподнялся на цыпочки — тщетно. Тогда он раздосадованно хмыкнул, влез прямо на собственный стол, едва не наступив в пиалу с недопитым чаем, и уставился поверх голов на лестничный пролёт.

И в то же мгновение встретился взглядом с вошедшим.

На него смотрели знакомые глаза, в которых сейчас пылали искры чистой ярости и глубокой обиды.

От неожиданности Лянь Уцзю покачнулся и с грохотом полетел вниз. Стол перевернулся, чайник и чашки с жалобным звоном разлетелись в щепки, окатив бедолагу липкими брызгами. Не успел он даже подняться на локти, как над ним выросла тень. Вечно улыбающийся трактирный слуга заученным движением протянул руку:

— За порчу имущества заведения: пятьдесят монет за чашку, итого с вас ровно сто.

— Грабеж... — простонал поверженный лекарь, чувствуя, как сжимается от боли его скупое сердце.

— Не хотите платить — милости просим в городскую темницу на водную диету. Десять суток бесплатно, — любезно оскалился слуга.

Лянь Уцзю обречённо вздохнул. Кое-как поднявшись, он навалился грудью на уцелевший край стола и нехотя полез в карман. Порывшись в кошельке, он выудил горсть серебра и швырнул слуге:

— Подавись...

Голос его буквально сочился скорбью по утраченным средствам.

Тем временем тучи окончательно рассеялись. Посетители, успевшие разглядеть «прекрасную гостью» поближе, начали плевать и спешно покидать заведение. Те же, кто остался за столами, сверлили пришельца злыми взглядами, полными немой обещания скорой расправы.

Таинственным незнакомцем под бамбуковым зонтом оказался не кто иной, как Су Линцзюнь, разыскивавший своего непутёвого лекаря по всему Янчжоу. Лицо его сейчас было чернее грозовой тучи. Мало того что окружающие провожали его двусмысленными взглядами, так ещё и Лянь Уцзю при виде него умудрился изобразить на лице такое вселенское разочарование, словно прямо заявлял: «И зачем припёрся? Только весь настрой испортил».

А теперь этот неблагодарный лекарь и вовсе распластался по столешнице, нагло делая вид, что испустил дух, и демонстративно его игнорируя!

Су Линцзюнь едва сдерживался, чтобы не запустить в него уцелевшей пиалой. Однако он вовремя напомнил себе, зачем проделал этот долгий путь. Он пришёл мириться. В конце концов, вина лежала на нём: не стоило в прошлый раз выходить из себя и душить беднягу до смерти. Ради того, чтобы вымолить прощение, следовало усмирить гордыню.

Су Линцзюнь шумно выдохнул и присел на свободную табуретку. Покосившись на оставшегося за их столиком Красавца, он смерил того ледяным взглядом, который красноречиво говорил:

«Какого чёрта ты тут до сих пор торчишь? Сгинь с глаз, не мешай разговору!»

Красавец ничуть не испугался. Прищулив свои дивные очи, он послал ответный невербальный залп:

«Я здесь сидел изначально, пугало огородное! Это ты тут лишний!»

Су Линцзюнь скрипнул зубами:

«Чучело накрашенное!»

Красавец высокомерно вскинул подбородок:

«А тебе, образина, вообще среди живых людей не место!»

Не выдержав молчаливого поединка, Су Линцзюнь вскочил и заорал на весь трактир:

— Да таких прихвостней крашенных на месте убивать надо!

Взбешённый Красавец с грохотом опустил ладонь на многострадальную столешницу. Мебель не выдержала столь яростного натиска и с жалобным треском раскололась пополам. Лишившись опоры, Лянь Уцзю кубарем покатился по грязному полу.

— Да за что же мне это... — простонал Лянь Уцзю.

Зажав ладонью несчастный, ушибленный нос, он поднялся на колени. В покрасневших глазах закипели злые слёзы. Лекарь смерил обоих зачинщиков испепеляющим взглядом. На Красавца он дулся чуть меньше, а вот на Су Линцзюня уставился со всей накопившейся яростью — в конце концов, тот вовсе не был красавцем.

Красавец виновато потупился и неловко закашлялся, пытаясь сгладить неловкость:

— Э-э... Извини, приятель, увлёкся малость. Не со зла я. С меня причитается! Весь ваш счёт за мой счёт!

«Ну, хоть какая-то польза!»

Лянь Уцзю мысленно потёр руки, мгновенно сменив гнев на милость.

Су Линцзюнь в очередной раз наградил обидчика тяжёлым взглядом. Заметив, что к их обломкам уже спешит всё тот же улыбчивый слуга с хищным блеском в глазах, он мёртвой хваткой вцепился в плечо Лянь Уцзю и выволок его наружу. Красавец рванулся было следом, намереваясь продолжить спор, но путь ему преградил непреклонный вымогатель в фартуке, требующий оплатить разгромленный стол. Несостоявшемуся преследователю оставалось лишь бессильно топтать ногами им вслед.

Только отойдя на приличное расстояние от трактира и убедившись, что расфуфыренный крикун за ними не гонится, Су Линцзюнь наконец перевёл дух. Он бесцеремонно убрал руку Лянь Уцзю от лица, осматривая повреждения. Нос знатно распух и так покраснел, что стал похож на спелую сливу, однако, к счастью, обошлось без крови. Су Линцзюнь облегчённо хмыкнул.

— Повезло тебе. Хоть не расплющило.

Лянь Уцзю испуганно округлил глаза и осторожно ощупал переносицу. Собственный нос был, пожалуй, единственной безупречной деталью на его лице — прямым, аккуратным и пропорциональным. Случись с ним что, прощай надежды на счастливое будущее: на такого уродца ни одна приличная девица в жизни бы не позарилась!

<http://bllate.org/book/18276/1758042>